

Под сенью деревьев

Елена Андреевна

18+

Елена Андреевна
Под сенью деревьев

«Автор»

2026

Андреевна Е.

Под сенью деревьев / Е. Андреевна — «Автор», 2026

Нога в капкане — не повод терять чувство юмора, уверена Алина Артеева, даже если боль адская, а помощь не торопится. Она успешная писательница из Москвы, которая три недели дышала офисным освежителем вместо воздуха, а в деревню везёт с собой дедлайны, ироничный внутренний голос и твёрдое правило: решения в её жизни принимает только она сама. Правило трещит по швам, когда её спасает немногословный лесник, который два года назад запретил себе чувствовать что-либо, а теперь, перевязывая её ногу грубоватыми руками, явно нарушает собственный запрет.

© Андреевна Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Аннотация	6
Глава 1. Грибы и капкан	7
Глава 2. Чужие руки в лесу	14
Глава 3. Праздник с перевязанной ногой	21
Глава 4. Грибы, мёд и бинты	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Андреевна Под сенью деревьев

Глава

Под сенью деревьев.

Аннотация

Нога в капкане — не повод терять чувство юмора, уверена Алина Артеева, даже если боль адская, а помощь не торопится. Она успешная писательница из Москвы, которая три недели дышала офисным освежителем вместо воздуха, а в деревню везёт с собой дедлайны, ироничный внутренний голос и твёрдое правило: решения в её жизни принимает только она сама. Правило трещит по швам, когда её спасает немногословный лесник, который два года назад запретил себе чувствовать что-либо, а теперь, перевязывая её ногу грубоватыми руками, явно нарушает собственный запрет.

Глава 1. Грибы и капкан

Москва отпустила меня где-то на сто первом километре, примерно там, где закончились билборды и начались настоящие поля. Я опустила стекло, и в салон ворвался запах скошенной травы, нагретой пыли и чего-то ещё, чему у меня не нашлось слова, хотя я зарабатываю на жизнь именно словами.

— Закрой, кондиционер работает, — сказала Мария, не отрывая глаз от дороги.

— Маш. Я три недели дышала офисным освежителем «Горный бриз». Дай подышать настоящим.

— Горный бриз в Москве. Какая ирония.

Деревня Старая Руза встретила нас заборами разной степени амбициозности, рыжей собакой, которая проводила машину ленивым взглядом, и пылью, медленно оседавшей за нами, как театральный занавес. Мария припарковалась у зелёных ворот, и я вылезла, с наслаждением разгибая спину.

Прощай, ноутбук. Прощайте, письма от редактора с темой «Срочно!!!» в три восклицательных знака. Прощай, глава двенадцатая, которую я переписывала четыре раза и которая всё равно похожа на инструкцию к микроволновке. Два дня. Два дня меня нет.

Телефон я демонстративно сунула в сумку экраном вниз. Это ничего не меняло, но ощущалось как маленький подвиг.

Ворота распахнулись, и на нас обрушилась Юлька — загорелая, в линялом сарафане, с охапкой зелени в руках, такой огромной, что из-за неё виднелись только глаза и улыбка.

— Девочки!

— Юль, ты нас зеленью душить будешь или всё-таки обнимешь? — Я уткнулась носом в укроп и чуть не чихнула.

— И то, и другое. Руки заняты, подставляй щёку.

От неё пахло землёй, солнцем и смородиновым листом. В городе так не пахнет никто, даже за большие деньги.

— Вот это петрушка, вот это кинза, Олег её не ест, но я всё равно сажаю из вредности, а вот это, — она торжественно выудила из охапки какой-то куст, — это базилик. Фиолетовый. Я его три года выпрашивала у соседки, она семена давала так, будто фамильные бриллианты отдаёт.

— Ты в курсе, что нормальные люди хвастаются машинами?

— Я не нормальная, я счастливая, — с достоинством ответила Юлия. — Пойдём, покажу грядки. А завтра шашлык. Олег уже мясо замариновал, у него, конечно, свой тайный рецепт, но главный ингредиент там лук и самоуверенность.

Грядки пришлось осматривать по всей форме, с комментариями. Кабачки, которые «попёрли так, что я их уже соседям подкидываю ночью, как подкидыши». Малина, из-за которой Юля воюет с дроздами. Цветы вдоль дорожки, названия которых я честно пыталась запомнить первые двадцать секунд.

Вот так и становятся предателями собственной профессии: я смотрела на эти флоксы и думала не о метафорах, а о том, что мне просто хорошо.

Ужинали во дворе, под виноградом, который Юлька вырастила тоже из вредности и тоже назло климату. На столе стояла картошка с укропом, малосольные огурцы, холодная окрошка и бутылка вина, которую мы с Марией привезли из города и которая здесь выглядела до смешного пафосно.

— Так, — сказала Юлия, разливая. — Новости. По старшинству. Маш, ты первая, у тебя лицо.

— Какое лицо? — Мария выпрямилась и стала ещё серьезнее, чем обычно, а это, поверьте, высший пилотаж для женщины, которая умеет считать амортизацию в уме.

— Такое. Довольное.

Мария выдержала паузу, достойную финала квартального отчёта.

— Мы с Денисом смотрели квартиру. На Профсоюзной. Двушка, окна во двор, ипотека на двоих выходит вполне подъёмной, я всё просчитала.

— Вы? — уточнила я. — На двоих?

— На двоих, — подтвердила она с невозмутимостью сфинкса. — И он почему-то спрашивал, какой у меня размер пальца.

Юлия взвизгнула так, что с яблони снялась какая-то птица.

— Маш!

— Ничего ещё не произошло, — отрезала Мария. — Я не люблю делать выводы до поступления данных.

Данные, господа. Человек ходил вокруг ювелирного три месяца, а у неё данные.

— А у тебя, Алин? — Юлия повернулась ко мне, и я сразу поняла, что этот вопрос она готовила с самой весны.

— У меня вышла книга, — честно сказала я. — Допечатка тиража. Виктор, мой редактор, называет меня «наше лицо». Звучит как диагноз, но платят хорошо.

— Я не про книгу.

— Я знаю, что ты не про книгу. Я просто надеялась, что ты купишься.

— Алина.

— Юль, у меня в личной жизни ремонт. Старое вынесли, новое не завезли, по квартире гуляет сквозняк и лежит пыль. — Я подняла бокал. — Зато я сплю по диагонали кровати и никому не объясняю, зачем мне четырнадцать блокнотов.

И это, между прочим, чистая правда. Просто иногда в два часа ночи правда звучит чуть менее остроумно, чем за столом под виноградом.

Девочки переглянулись тем самым взглядом, который женатые и почти замужние люди берегут специально для подруг-одинок. Я сделала вид, что не заметила, и попросила ещё огурцов.

— Ладно, — сказала Юлия, сжавшись. — Тогда предлагаю программу оздоровления. Завтра встаём в шесть.

— В шесть? — Я чуть не подавилась. — Юль, я в шесть обычно только ложусь.

— В шесть, — безжалостно повторила она. — И идём по грибы. Тут лес через поле, за речкой. Дремучий, конечно, бурелом местами, но добычливый — белых в этом году море, Олег в прошлые выходные две корзины принёс. Дождики были правильные.

— Правильные дождики, — повторила Мария. — Звучит как сорт чая.

— Главное, друг друга не терять, — Юлия отмахнулась от комара. — Там овраги, и телефон почти везде молчит. У нас одна дачница в позапрошлом году до вечера аукала, пока её сосед не вывел.

— Сосед — это который с собакой? — спросила Мария.

— Нет, это другой. Этот у реки живёт, молчаливый такой, в лес один ходит. — Юлия на секунду сделалась серьёзной, будто хотела что-то добавить, но передумала и подвинула мне миску. — Ешь давай. Так что, идёшь?

Я посмотрела на небо, где уже проступали звёзды, настоящие, а не три тусклые точки над Садовым. В голове у меня всё ещё по инерции крутилась двенадцатая глава, фраза «он обернулся», которую я ненавидела всей душой, и письмо, на которое надо ответить в понедельник.

— Иду, — сказала я. — Тихая охота. Ровно то, что доктор прописал.

Ходить по мху, дышать, молчать и ни о ком не думать. Собрать что-то руками, а не словами. Два дня простого человеческого существования — и голова, глядишь, встанет на место.

— Вот и умница, — обрадовалась Юля. — Дам тебе резиновые сапоги. И корзинку, а не пакет, в пакете грибы задыхаются.

— У грибов тоже бывает удушье? Запишу.

— Всё, что я говорю, она потом вставит в книжку, — пожаловалась Юлька Марии. — Я уже привыкла.

Расходились поздно, когда совсем стемнело и от реки потянуло прохладой. Мне постелили в маленькой комнате с окном в сад, на кровати оказалось одеяло, пахнущее сундуком и лавандой, а на подоконнике стояла банка с полевыми цветами, которые Юлия, конечно же, поставила специально.

Я лежала в темноте и слушала. Где-то далеко, через два или три двора, лаяла собака — лениво, с паузами, будто отбывала повинность. Ей ответила другая, с другого конца деревни. Потом всё стихло, и остался только сверчок в траве под окном да шорох яблони.

Деревня — это сказка. Настоящая, с огурцами, кринкой молока и фиолетовым базиликом, выпрошенным у соседки.

Я подтянула одеяло к подбородку и уснула раньше, чем успела придумать, как это красиво описать.

* * *

В шесть утра деревня выглядела так, будто её только что вымыли и не успели вытереть. Трава по пояс стояла мокрая, от реки через поле тянуло белым, и Юлия шла впереди в резиновых сапогах и мужской клетчатой рубашке, с корзиной на сгибе локтя, как генерал с планшетом.

— Белые ищите по краю, — командовала она, не оборачиваясь. — Где сосна с берёзой вперемешку и мох такой сухой, кучерявый. Подосиновики — под осинками, они дураки, прямо на виду растут, их даже Машка найдёт.

— Спасибо, — отозвалась Мария сзади. — Я, между прочим, экономист. Я умею находить то, что люди прячут специально.

— Грибы не прячутся, они просто сидят, — сказала Юлия. — И ещё. Если увидите красивую такую, аккуратную шляпку, светлую, с юбочкой на ножке, не трогайте вообще. Это бледная поганка, и у неё с вами разговор короткий.

Запишу. «У неё с вами разговор короткий» — отличная реплика для злодейки.

Лес начался внезапно, как это всегда бывает с лесом: только что было поле, роса, стрекотание, а потом три шага, и тебя накрывает зелёным сумраком, и звуки меняются, будто кто-то выключил улицу и включил собор. Пахло мокрой хвоей, прелым листом и чем-то грибным, сладковато-земляным, что ни один парфюмер не повторит, хотя многие пытались.

Я остановилась и подышала. В Москве я последние три недели дышала кондиционером, кофе и собственным ужасом перед двенадцатой главой.

— Разбредаемся, но перекликаемся, — распорядилась Юлия. — Аукать умеете?

— Я умею орать, — честно сказала я. — Профессионально, в редакторскую трубку.

Мы разбрелись. Сначала я слышала их обеих совершенно отчётливо: Маша восхищалась мухомором («Юль, ну он же красивый, ну почему всё красивое ядовитое»), Юлия отвечала что-то про жизнь вообще, они обе смеялись, где-то хрустели сучья. Я шла сбоку, по узкой тропке, глядя под ноги, и чувствовала, как с меня слоями сходит город: сначала дедлайн, потом письмо, на которое надо ответить в понедельник, потом фраза «он обернулся», которую я возненавидела как живого человека.

Первый гриб я нашла минут через десять, и это была сыроежка, о чём Юля крикнула мне издали с интонацией «ну, для начала сойдёт». Второй был уже подберёзовик, крепкий, с бархатной шляпкой, и когда я срезала его и он отошёл с тихим влажным звуком, мне стало

неприлично хорошо. Вот оно, подумала я. Результат, который видно руками. Не абстрактные знаки на экране, которые кто-то когда-нибудь, может быть, прочитает в метро и забудет на станции «Профсоюзная», а гриб. Тяжёленький. Пахнет.

Приметный пенёк возник слева: огромный, седой, разъеденный временем, с целым городом опять по боку и маленькой рябинкой, выросшей прямо из трухи сверху. Я обошла его и ахнула вслух.

За пнём открывалась полянка, маленькая, вся в солнечных пятнах, и по ней, между кочками сухого кудрявого мха, стояли они. Три штуки. Потом я увидела четвёртый, потом шестой. Толстоногие, с коричневыми шляпками, важные, как купцы на старой фотографии.

Вот тебе и «для начала сойдёт». Юль, я сейчас вернусь и положу эту корзину на стол, и ты признаешь моё превосходство как минимум до обеда.

Я присела и стала срезать. Каждый гриб приходилось искать заново, потому что стоило отвести глаза, и он сливался с листвой, и это было похоже на редактуру: смотришь в текст, видишь чистое поле, а потом вдруг проявляются ошибки, и их шестнадцать штук. Один белый прятался под еловой лапой, другой стоял за кочкой, третий виднелся чуть дальше, у поваленного ствола, и я пошла к нему, пригибаясь.

Потом был ещё один, совсем в стороне, у маленького овражка. И ещё два за ним.

Голоса подруг к этому времени стали тише. Я слышала их, правда слышала, просто они переместились куда-то влево и вдаль, и смех Марии долетал уже не словами, а интонацией, как через стену в гостинице. Я подумала, что надо бы крикнуть, и тут же увидела ещё один белый, и крикнуть не успела, потому что рот был занят довольным мычанием.

Корзина потяжелела приятно. Я выпрямилась, потёрла поясницу и огляделась с видом женщины, которая сейчас триумфально вернётся к своим.

Деревья стояли одинаковые.

Прекрасно. Писательница, лауреат чего-то там, героиня интервью «как не потерять себя в большом городе», теряется в трёх соснах. Соснах, Алина. Их тут буквально три, и ты не можешь выбрать правильную.

Я повернулась на сто восемьдесят градусов. Пень с рябинкой должен был быть справа. Пня не было. Был другой пенёк, пониже, без рябинки и без опять, и он смотрел на меня с полным равнодушием.

— Юль! — позвала я.

Голос ушёл в мох и там завяз. Лес не отразил его, не отбросил эхом, как делают приличные леса в фильмах, а просто съел и не поперхнулся.

— Маш!

Тишина. Не пустая, а полная: что-то шуршало в подлеске, дятел работал где-то над головой размеренно и деловито, пискнула невидимая птица. Ни одного человеческого звука.

Я достала телефон, уже зная, что увижу. В углу экрана честно и безнадежно светилось «нет сети». Я подняла руку повыше, потом встала на кочку и подняла ещё выше, чувствуя себя идиоткой, и постояла так секунд двадцать, как антенна.

Отличный сюжет для следующей книги. Глава первая: она хотела перезагрузить голову. Глава вторая: голова перезагрузилась вместе с навигацией. Виктор будет в восторге, ему как раз нужен был «жизненный материал». Вот тебе материал, Витя, прямо с кочки.

Паниковать было рано и, честно говоря, стыдно. Юлия говорила: лес через поле, за речкой. Значит, где-то есть поле и речка, и они никуда не делись, а я взрослая женщина с корзиной белых грибов и полностью заряженным, абсолютно бесполезным телефоном.

— Ау! — крикнула я ещё раз, уже громче, вкладывая в это всё своё профессиональное умение орать в трубку.

И вот тут мне показалось, что слева, за овражком, кто-то отозвался. Не словом, не криком, а просто что-то шевельнулось в воздухе, какой-то звук, похожий на голос Марии, вытянутый и тонкий.

Я пошла туда.

Под ногами мягко пружинил мох, пахло багульником и сырой корой, ветка хлестнула по рукаву, и я подумала, что надо будет обязательно описать вот это ощущение: как лес стоит вокруг тебя не враждебно, а просто совершенно, абсолютно без тебя.

Я переступила через поваленный ствол, перехватила корзину поудобнее и сделала шаг вперёд.

Под подошвой что-то коротко, сухо щёлкнуло. Будто сломалась толстая ветка. Будто кто-то под слоем листьев резко и деловито захлопнул книгу.

И земля подо мной вздрогнула.

* * *

Сначала не было боли. Была только чудовищная, неправильная сила, которая схватила меня за ногу снизу, как будто из-под листьев высунулась рука и сжала щиколотку, пробуя на прочность. Я даже успела подумать: корень. Зацепилась за корень.

А потом пришла боль, и мир сузился до одной точки чуть выше лодыжки.

Я закричала раньше, чем поняла, что кричу. Корзина выпала, белые покатились по мху, один укатился под папоротник и пропал, и я почему-то проводила его взглядом, как будто это было сейчас важно. Я осела набок, в мох, и вцепилась руками в землю, потому что больше вцепиться было не во что.

Нога была в железе. Две ржавые дуги сомкнулись на штанине, и ткань на них темнела, медленно набухала, становясь из бежевой бурой. Я смотрела на это пятно и честно не могла соединить его с собой: вот нога, вот железо, вот кровь, а вот я, и я вообще-то сегодня собираюсь к обеду пожарить грибы со сметаной.

Капкан. Это капкан. В две тысячи каком-то году, я наступила в капкан, как медведь в детской книжке. Это даже не драма. Это фарс.

Я попыталась дёрнуть ногой и тут же пожалела об этом так, как давно ни о чём не жалела. Железо не отпустило, только прокрутилось, и боль ушла вверх, под колено, и дальше в живот, холодная и тошная.

— Юля! — заорала я, и голос у меня был чужой, высокий, неприлично громкий. — Маша! Сюда! Юля!

На этот раз лес не стал глотать звук. Или мне повезло, или я наконец орала правильно: где-то справа затрещало, послышался топот, визгливый оклик, и через ветки вывалились они обе, красные, с корзинами, с налипшими на волосы листьями.

Мария увидела первой. Она остановилась так резко, будто её толкнули в грудь, и её корзина наклонилась, и лисички посыпались ей на сапоги.

— Господи, — сказала она. — Господи, Алин, что это.

— Капкан, — сказала я очень спокойно и очень громко. — Тут капкан. Очень оригинально, да? Юль, у вас всегда так встречают гостей?

Юлия уже стояла на коленях рядом, разгребая листья руками. Я увидела её лицо снизу, и мне стало по-настоящему страшно: Юля, которая утром хохотала над моими резиновыми сапогами сорок второго размера, которые я всё-таки не надела, сейчас была белая до синевы вокруг губ.

— Так, — сказала она. — Так. Не дёргайся. Не дёргайся, слышишь, Алин, вообще не шевелись.

— Я и не планировала никуда идти.

— Маш, бери с той стороны. Вот за эту скобу. Жмём вниз, на счёт три.

Они жали. Я смотрела в крону над собой, на солнечные дырки в листве, и считала вслух вместе с ними, чтобы не выть. Железо не поддавалось ни на миллиметр. Пружины были не для женских рук, и, судя по тому, как Мария вдруг зашипела и отдернула ладонь, ещё и в заусенцах ржавчины.

— Не идёт, — выдохнула Юлия. — Он на двух пружинах, тут мужик нужен. Или рычаг.

— Палку! — сказала Маша. — Сейчас я палку найду!

Палка нашлась, переломилась с треском, и Мария сказала слово, которого я от неё, экономиста и будущей невесты, не слышала за одиннадцать лет знакомства. Это почему-то добило меня сильнее крови.

— Девочки, — сказала я. — Телефон.

Юля вытащила свой, подняла, повертела, отошла на три шага, вернулась.

— Нету. Тут и не бывает. — Она посмотрела на меня, и я увидела, как она решает. — Алин. Мы бежим в деревню. До края леса минут пятнадцать, а там Олег с мужиками, и машина, и инструмент. Если бегом — быстрее, чем тут по кустам сеть ловить.

— Я тебя не оставлю, — сказала Маша.

— Вдвоём быстрее, — отрезала Юлия. — Одна может ногу подвернуть, тогда вообще всё. Алин, мы мигом. Слышишь? Мигом.

Чудесно. Сейчас меня оставят в дремучем лесу, прикованной к земле ржавым железом, и это действительно лучшее из возможного. Вот оно, то самое «вырваться из города и отдохнуть», о котором я мечтала всю дорогу.

— Бегите, — сказала я. — Только, Юль. Без паники там, ладно? И воду мне потом. Литр. И что-нибудь крепче воды.

Юля быстро, неловко поцеловала меня в макушку, как целуют детей перед уколом. Маша сняла с себя ветровку и сунула мне под спину, и у неё тряслись руки. Потом они побежали, ломая подлесок, и я слышала их ещё долго, а потом перестала слышать.

Я осталась одна.

Я достала телефон. Я знала, что увижу, и всё равно поднимала его вверх, поворачивала, прижимала к щеке, нажимала «сто двенадцать» и слушала вежливую тишину. Пустой уголок экрана, где должны быть палки сети, смотрел на меня честно и безразлично, как тот пенёк без рябинки.

Отличный материал. Роман о выживании. Героиня, прикованная к месту, наедине с собственным остроумием. Жаль только, что героиня — я, а остроумие кончается примерно на третьей минуте.

Боль перестала быть точкой и стала погодой. Она шла волнами, и в промежутках между волнами было почти терпимо, а потом накатывало, и я прижималась затылком к стволу и дышала через нос, как учили на йоге, на которую я ходила ровно два раза.

Лес менялся. Это было самое противное. Полчаса назад он был милым, пахучим, полным грибов, а теперь стоял вокруг плотно и смотрел. Солнце сдвинулось, тени от стволов вытянулись и легли по мху длинными полосами, и в каждой такой полосе хотелось кого-то увидеть. Комары нашли меня мгновенно и работали по открытой шее методично, как дятел над головой.

Я стала считать. Досчитала до шестидесяти, загнула палец. Ещё шестьдесят, второй палец. На четвёртом пальце я сбилась, потому что перед глазами встало очень ясное: кабан. Юлия же вчера говорила, что кабаны выходят. И что капканы, если ставят, то ставят на кого-то. А я сижу тут, пахну кровью, и бежать не могу никуда вообще, даже в теории, даже метр.

Горло сжалось. Я задрала голову и моргала в листву, потому что реветь было нельзя: если начну, то не остановлюсь, а когда они прибегут, я должна сидеть с лицом женщины, которая всё держит под контролем. У меня дедлайн, у меня интервью, у меня, чёрт возьми, репутация.

И тогда справа, далеко, хрустнуло.

Не так, как хрустит под ветром. Ветра не было вовсе, листья висели неподвижно. Хрустнуло основательно, потом ещё раз, ближе, с паузой между шагами. Кто-то шёл.

У меня было секунды три, чтобы решить, кого я боюсь больше: того, кто идёт, или того, что он пройдёт мимо.

— Эй! — закричала я изо всех сил, срывая голос. — Сюда! Я здесь! Помогите!

Глава 2. Чужие руки в лесу

Лес в этот час был мой. Не в смысле собственности, а в смысле привычки: я ходил этим кругом два года, одной и той же тропой, от старой вырубki к оврагу, потом вдоль ручья и обратно к просеке, и знал наизусть, где лежит поваленная осина, где начинается малинник и где в августе надо смотреть под ноги, чтобы не передавить волнушки. Утро было душное, июльское, с тем тяжёлым запахом нагретой хвои, который к полудню становится как банный пар. Корзину я взял по привычке, не потому что хотел грибов.

Крик пришёл справа, издалека.

Я остановился так резко, что под подошвой хрустнуло, и вместе с этим хрустом пропала вторая половина звука. Женский. Не визг испуга, а именно крик на всю грудь, с надрывом, какой бывает, когда зовут, а не когда пугаются. Я отсчитал про себя: северо-восток, за ручьём, метров четыреста, может пятьсот. Между нами ельник, значит, звук глушит, значит, ближе, чем кажется.

Дальше я уже бежал. Корзина полетела в папоротник, и я даже не услышал, куда она упала.

Я давно так не бегал. Тело вспомнило раньше головы: как дышать через нос, как ставить ногу на корень, как выставлять локоть, чтобы ветка не хлестнула по глазам. В груди разгоралось, но думать об этом было некогда. По дороге в голове щёлкало сухо и коротко, одно за другим: ручей, бурелом, старые ямы. Ямы меня беспокоили больше всего. Там, за ручьём, в прошлом году я находил затёсы на сосне и следы от сапог со стёртым протектором, и мне это тогда не понравилось.

Крик повторился, ближе и слабее.

Я выскочил на поляну между трёх берёз и увидел её сразу.

Девушка сидела на земле, спиной к стволу, и правая нога у неё была неестественно вывернута наружу, потому что по щиколотке сомкнулись дуги. Старый капкан, железный, ржавый по краям, на две пружины. Такие ставят на крупного зверя, и такие уже лет двадцать как запрещено ставить вообще. Трава вокруг была примята в радиусе шага, и на мху расплылось тёмное пятно, уже подсохшее по краю.

Лицо у неё было белое, как изнанка берёзовой коры. Шатенка, волосы выбились из хвоста и липли ко лбу, глаза светлые, зеленовато-серые, и в этих глазах стоял такой ужас, что она, кажется, усилием воли держала его за горло, чтобы не выпустить наружу.

— Ой, — сказала она, и голос дал трещину. — А я вас так долго звала. Надеюсь, вы не кабан.

Я опустился на колено рядом.

— Не дёргайся.

— Я как-то и не рвусь никуда.

Я осмотрел конструкцию, не трогая. Дуги вошли с внешней стороны лодыжки, одна выше, другая ниже косточки, джинсовая штанина была разрезана и потемнела. Пружины плоские, широкие, с язычками. Техника простая и подлая: чем сильнее дёргаешь, тем глубже садятся зубья.

— Сейчас буду разводить. Будет больно в момент, когда отпустит. Терпеть не надо, кричи сколько хочешь.

— Я уже накричалась на год вперёд, — сказала она сквозь зубы. — У меня, между прочим, тут на весь лес монолог был. Без зрителей пропал.

Я встал обеими ногами на концы пружин, по одной на каждую, перенёс вес и взялся руками за дуги. Железо было тёплое, нагретое солнцем сверху и холодное снизу, и пахло ржавчиной и чем-то сладковатым, нехорошим. Руки сделали всё сами, без моего участия, как когда-

то в гараже у деда, где я мальчишкой перебирал эти штуки, ещё не зная, что они и кому ломают. Пружина пошла туго, упруго, потом щёлкнула и села.

— Не шевели стопой. Вообще. Представь, что это не твоя нога.

— Она мне и так уже не очень родная.

Вторая пружина поддавалась легче. Дуги разошлись пальца на три, и я подхватил её под колено и под пятку и вынул ногу наверх, одним движением, чтобы не елозить по зубьям. Она всё-таки вскрикнула, коротко, и тут же вцепилась зубами в собственный кулак.

Я положил ногу себе на бедро и посмотрел.

Две рваные раны, одна глубокая, до мяса, вторая рассечение по коже. Кровь шла ровно, тёмная, без толчков. Значит, артерия цела. Кость на ощупь была целой, стопа двигалась, когда я чуть повернул, и это было важнее всего остального.

— Жить будешь.

— Это вы мне сейчас как врач?

— Как человек, который видел хуже.

Я стянул с себя рубашку, зубами надорвал подол и рванул на полосы. Одну сложил плотным квадратом и прижал к глубокой ране, вторую пустил вокруг, через подъём и над косточкой, затянул так, чтобы давило, но не пережимало всю ногу. Пальцы на стопе остались тёплыми и розовыми. Хорошо.

Она смотрела, как я работаю, и говорила без остановки, и я понял довольно быстро, что это не характер, вернее, не только характер. Так человек держится, когда боится, что если замолчит, то начнёт выть. Я это знал слишком хорошо, с другой стороны знал, изнутри. Два года я молчал именно потому, что говорить было нечем.

— У вас, наверное, тут целый сервис, — сказала она. — Спасение городских. Скидка постоянным клиентам.

— Первая. Скидки не будет.

Она моргнула. И засмеялась, тихо, на выдохе, и смех у неё был мокрый, но живой.

И что-то внутри меня при этом шевельнулось, незнакомое и давнее, как будто в доме, где два года не топили, кто-то открыл заслонку. Мне это не понравилось. Мне это понравилось. Я отложил разбираться на потом.

— Подруги побежали за помощью, — сказала она. — Юля и Маша. В деревню. Они, наверное, уже полдеревни подняли.

— Встретим по дороге. Машина на просеке, двести метров.

— Я дойду.

— Нет.

Я подвёл руку ей под колени, вторую под спину и поднял. Она ахнула и схватилась за моё плечо, пальцы были ледяные, и на секунду прижалась лбом к ключице, а потом выпрямилась, будто вспомнила, что вообще-то взрослая самостоятельная женщина.

Весила она мало. Пахло от неё лесом, нагретой травой и тем кисловатым запахом, который даёт страх, и ещё чем-то городским, духами, выдохшимися за утро. Я давно не держал на руках ничего живого, и это оказалось хуже, чем я думал, и лучше тоже.

— Держись за шею. Пойду медленно.

— Я не тороплюсь, — сказала она. — У меня, как выяснилось, свободный день.

Я пошёл через поляну к просеке, выбирая ногами ровное, обходя корни, чтобы не качнуть её и не растряссти ногу. Солнце било сквозь берёзы полосами. Сзади, в примятой траве, остался лежать раскрытый капкан, и я запомнил место: три берёзы из одного корня, старая вырубка в сорока шагах.

С этим я разберусь. Но позже.

* * *

Машина стояла на просеке там, где я её оставил, старый внедорожник с выгоревшей до серого краской и вечной глиной по пороги. Я придержал Алину одной рукой, второй дёрнул заднюю дверь, и она открылась с тем же скрипом, с каким открывалась последние шесть лет.

— Сейчас посажу. Ногу не напрягай, я сам.

Она кивнула, стиснув зубы. На заднем сиденье валялась моя куртка, брезентовая, в сосновой смоле. Я свернул её вдвое, положил к дальней двери и усадил Алину так, чтобы нога легла повыше, выше бедра и выше головы, если честно, получалось не очень, но хоть так. Она охнула, когда я укладывал щиколотку, и вцепилась пальцами в обивку.

— Терпи. Сейчас отпустит.

— Угу. Вы это тоже как человек, который видел хуже?

— Как человек, который сам сидел с такой ногой.

Я протянул ремень через её плечо, завёл в замок и придержал ладонью, чтобы не хлестнуло по груди. Щелчок вышел непривычно громкий. Со стороны это, наверное, выглядело смешно: мужик под два метра возится с ремнём, как будто пристёгивает фарфоровую вазу, которую везёт через всю область. Но ваза была тёплая, дышала часто и смотрела на меня снизу вверх серо-зелёными глазами, в которых плавал страх, и я не хотел, чтобы её мотало на поворотах.

— Повязку не трогай. Будет мокнуть, это нормально.

— Я вообще стараюсь ничего не трогать. У меня сегодня уже был один опыт взаимодействия с окружающей средой.

Я захлопнул дверь, обошёл машину и сел за руль. Двигатель схватился с первого раза, и я вывернул на колею.

Лесная дорога до трассы была восемь километров разбитой глины и корней, и в обычный день я ехал по ней шагом, жалея подвеску. Сегодня я шёл настолько быстро, насколько позволяло не превратить ямы в удары. Руки сами выбирали траекторию, объезжали колдобины по гребню, и вся моя голова при этом была занята зеркалом заднего вида. Я поправил его так, чтобы видеть её лицо, а не дорогу позади. Дорога позади меня не интересовала уже два года.

Лицо было белое. Не бледное, а именно белое, как бумага, и на скулах проступили веснушки, которых минуту назад я не замечал.

— Как тебя зовут?

— Алина. Артеева. — Она попыталась усмехнуться. — Можете записать в журнал пострадавших.

— Егор. Откуда ты?

— Из Москвы. Приехала отдохнуть. Три дня тишины, свежий воздух, никаких дедлайнов. — Она коротко выдохнула через нос, пережидая тряску. — Отдых удался, как видите. Полное погружение в природу.

— Одна в лесу почему?

— Я не одна была. Я отстала. Там были такие подберёзовики, что я за ними пошла, как за призыванием.

— И как подберёзовики?

— В корзинке остались. Там, под берёзами. Если будете возвращаться, заберите, жалко.

Я глянул в зеркало. Она говорила, и это было хорошо, пока говорит, значит, держится, но говорила всё медленнее, и в конце фразы голос уезжал куда-то вниз.

— Заберу, — сказал я. — Грибы не бросаю.

— Серьёзный подход.

— Один из немногих оставшихся.

Выехали на грейдер, пошло ровнее, я добавил газу. Пыль поднималась за машиной рыжим хвостом, в приоткрытое окно тянуло нагретой пылью и соляжкой от встречного трактора. Солнце стояло высоко, било в лобовое, и я опустил козырёк, чтобы не слепило.

— Что делала в деревне?

— Приехала к Юле на день рождения. Двадцать девять лет человеку, девичник, шашлыки, всё по плану. — Она помолчала. — Я теперь буду гвоздём программы, да? Женщина-капкан.

— Будешь.

— Вы могли бы из вежливости возразить.

— Мог бы.

Она фыркнула, и я поймал себя на том, что у меня дёрнулся угол рта. Не улыбка, так, подёргивание мышцы, но я его заметил, как замечаешь чужую вещь в собственном кармане. Два года моё лицо делало ровно одно выражение, и оно меня устраивало. А тут какая-то городская с продырявленной ногой шутила про гвоздь программы, и у меня дёргался рот.

Я прибавил ещё.

— Вы всегда так ездите? — спросила она.

— Нет. Обычно медленнее.

— А сегодня?

— Сегодня я везу гвоздь программы.

Она засмеялась и тут же зашипела, потому что на смехе напряглась нога. Я выругался про себя и сбросил перед ямой.

Дальше она замолчала. Я ждал ответа секунд двадцать, спросил ещё раз про Юлю, про то, в каком конце деревни дом, и ответа не было. Посмотрел в зеркало. Голова у неё завалилась на подголовник, глаза были прикрыты, и губы шевелились, вроде как считали.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно.

Не так, как бывает страшно за абстрактного человека на обочине, когда проезжаешь мимо аварии и неделю потом аккуратнее водишь. А так, что у меня руки на руле стали мокрыми, и в ушах появился тот самый тихий звон из больничного коридора, который я помнил до сих пор и очень не хотел помнить. Я два года старательно устраивал себе жизнь, в которой не за кого бояться. Устроил. Дом, печка, лес, ноутбук, Кирилл раз в месяц с отчётами. Всё работало. И вот какая-то Алина Артеева из Москвы молчит на заднем сиденье, и всё это разваливается за три секунды.

— Алина.

— М-м.

— Не молчи.

— Я не молчу. Я экономлю.

— Экономить будешь в больнице. Говори.

— О чём?

— О чём угодно. Чем занимаешься.

— Пишу книги. — Она сглотнула. — Романы. В основном про любовь, если это важно для анамнеза.

— Хорошие?

— Издательство говорит, что продаются. — Пауза. — Это немножко разные вещи, знаете.

— Знаю, — сказал я. — Очень хорошо знаю.

Она приоткрыла глаза и посмотрела в зеркало, и на секунду наши взгляды там встретились, в этом мутном пыльном прямоугольнике, и я первый отвёл глаза на дорогу. Сердце било в горле ровно и тяжело, как после долгого подъёма.

Трасса показалась за поворотом, белая отбойная лента и фуры. И одновременно телефон в подстаканнике ожил, мигнув делениями сети: в лесу у нас её нет совсем, ловить начинает только здесь, у развилки. Я взял трубку одной рукой, большим пальцем нашёл номер приёмного покоя.

Ответили на четвёртом гудке.

— Областная, приёмный. Везу девушку, двадцать восемь — тридцать, нога, правая, рана от капкана. Открытая, глубокая, кость цела, артерия не задета, жгут не накладывал, давящая повязка. Крови потеряла немного. В сознании, разговаривает. Буду через двадцать минут. Подготовьте хирурга и столбнячный.

На том конце что-то уточнили. Я сказал, что да, капкан, да, железный, да, в лесу, и что ржавчина там была.

— Двадцать восемь, — сказала Алина сзади, когда я положил трубку. — Не тридцать.

— Учту на будущее.

— На какое будущее?

Я посмотрел в зеркало. Она смотрела в ответ, и к губам у неё возвращался цвет.

— На всякое, — сказал я и вышел на трассу.

* * *

Больница встретила тем самым запахом, который я помнил до мелочи: хлорка, мокрый линолеум и поверх всего слабый, сладковатый душок бинтов. Я толкнул плечом створку двери, потому что руки были заняты, и внёс Алину в приёмный покой, стараясь не задеть косяком её ногу.

Медсестра за стеклянной конторкой подняла голову, и ручка у неё замерла над журналом. Я понимал, как это выглядит: мужик под два метра, в одной футболке, с бурыми разводами на руках и на штанах, и девушка на руках, у которой вместо повязки на щиколотке намотана чужая клетчатая рубашка.

— Звонил двадцать минут назад, — сказал я. — Капкан. Нога правая, рана открытая, глубокая, от лодыжки вверх сантиметров восемь. Кость целая, пальцы шевелятся, артерию не задело. Железо ржавое, лежало в земле. Крови потеряла немного, сознание не теряла. Столбнячный ставили больше десяти лет назад, не помнит точно.

— Я помню точно, — сказала Алина мне куда-то в ключицу. — Я помню, что не помню.

Медсестра уже жала кнопку и кричала в коридор что-то про каталку и про Павла Сергеевича, и через полминуты из-за угла выкатились санитары, а с ними молодой парень в зелёном, с заспанным лицом и очень быстрыми руками. Каталка стукнулась колёсами о порог.

Я наклонился и переложил её. Это заняло секунды три. Но пока я разжимал руки, пока её затылок опускался на клеёчатую подушку, а пальцы соскальзывали с моего плеча, она посмотрела на меня снизу вверх, и в её серо-зелёных глазах было не про боль. Боль она терпела всю дорогу и ни разу не заплакала. Там было другое: она смотрела так, будто я прямо сейчас развернусь и выйду в эти стеклянные двери, и больше ничего не будет.

Я знал этот взгляд. Два года назад я сам смотрел так на людей в зелёном, когда увозили Ирину. Только у меня тогда никто не остался в коридоре.

— Жить будешь, — сказал я.

— Это врачебный прогноз или вежливость?

— Это опыт.

— Утешили, — выдохнула она и попробовала улыбнуться, и улыбка вышла кривая и бледная, но она всё равно её сделала, и у меня что-то неприятно и сладко повернулось под рёбрами.

Санитары взялись за поручни. Я выпрямился и повернулся к медсестре, которая уже раскрыла журнал и держала ручку наготове.

— Артеева Алина. Двадцать восемь лет. Москва, в деревне в гостях.

— А вы ей кто?

Вот тут надо было сказать «никто», и я действительно открыл рот, чтобы сказать «никто», потому что так оно и было: я вышел на крик, разжал железо, довёз. Всё. Дальше — хирург, антибиотики, бумажки, подруги приедут.

— Егор, — сказал я вместо этого. — Запишите мой телефон в карту. Если будут вопросы по ране или по тому, как она лежала в лесу, пусть врач звонит. Я видел капкан.

Медсестра посмотрела на меня поверх очков, оценивая, по-женски, и записала.

Ей это не нужно, сказал я себе, пока диктовал цифры. *Врачу всё равно, как лежал капкан. Ты это делаешь не для врача.*

Каталка уже ехала. Колёсико спереди дребезжало и уводило влево, санитар подправлял её бедром. Алина приподняла голову, нашла меня глазами над плечом парня в зелёном и сказала громче, чем нужно было:

— Рубашку верну!

— Оставь себе.

— Она клетчатая.

— Я в курсе.

— Я в ней буду выглядеть как дровосек.

— Дровосеки в лес по грибы ходят с топором, а не с корзинкой, — сказал я. — Это бы тебя сегодня сильно выручило.

Она засмеялась. Коротко, через боль, и тут же зашипела, и в ту же секунду створки дверей с табличкой «Операционный блок. Посторонним вход воспрещён» разъехались, каталку протолкнули внутрь, и дверь пошла обратно, съедая коридор, зелёные спины, её светлую макушку на клеёнке.

Голоса за дверью ещё были слышны. Кто-то спрашивал про аллергию, Алина отвечала, что на дураков, и кто-то хмыкнул. Потом голоса стали тише, потом стали неразличимы, потом остался только гул ламп.

Я стоял.

Стоял, честно говоря, непозволительно долго для человека, у которого в багажнике две корзины рыжиков, а дома некормленная печка и ноутбук с письмом от Кирилла, на которое я не ответил со вчера. Пахло хлоркой. Под потолком жужжала лампа дневного света, одна из трёх, остальные горели ровно. На стене висел плакат про признаки инсульта, выцветший до оранжевого.

И до меня дошло, что я не хочу домой.

Это было такое простое открытие, что от него стало даже смешно. Два года я хотел домой всегда. Из магазина, от Юли с Олегом, из города, с рыбалки, с собственного дня рождения. Дом — это тишина, в которой никто ни о чём не спрашивает и ничего от тебя не ждёт, и я эту тишину построил сам, своими руками, аккуратно, как сруб, венец к венцу. А сейчас я представил, как приеду, затоплю, сяду у окна, и за окном будет река и ничего больше, и внутри у меня поднялось что-то вроде тихого протеста. Я хотел знать, зашили ей ногу или ещё нет. Хотел знать, поставили ли укол и ругался ли хирург на ржавчину. Хотел знать, что она выйдет оттуда и опять скажет какую-нибудь ерунду про дровосеков.

Ты её знаешь полтора часа, сказал я себе. *Ты даже не знаешь, какая она, когда ей не больно.*

Я посмотрел на свои руки. Под ногтями была чужая кровь и лесная грязь, и запястье саднило там, где его прикусила пружина, когда я разводил дуги. Надо было ехать. Надо было хотя бы помыться.

Вместо этого я прошёл вдоль стены к ряду стульев, прикрученных к общей железной планке, из тех, у которых дерматин на сиденьях треснул от старости и прожжён в одном месте чьей-то сигаретой ещё при прошлом главвраче. Сел на второй от окна. Колени упёрлись почти в подбородок.

Медсестра выглянула из-за стекла.

— Мужчина, вам в травму? Руку показать?

— Нет.

— Так а чего вы сидите-то?

Я подумал, глядя на дверь с табличкой.

— Жду, — сказал я.

Она хмыкнула и убрала голову. Я вытянул ноги в проход, откинул затылок на стену и стал слушать, как за дверью звякает металл о металл.

Глава 3. Праздник с перевязанной ногой

Юлина «Нива» въехала во двор уже в седьмом часу, когда солнце легло на крыши низко и жёлто, как масло на хлеб, и я из окна увидела, что столы никто не убрал.

Они так и стояли во дворе под яблоней, сдвинутые в одну длинную кривую линию, застеленные клеёнкой в вишенках. Над ними висела гирлянда из шариков, уже немного усталых, одного не хватало, видимо, лопнул от жары. Салаты были накрыты марлей от мух. Мангал дымил. Пахло углём, укропом и нагретой за день смородиной, и этот запах ударил мне в нос так внезапно и так по-домашнему, что я чуть не разревелась, чего, разумеется, не могла себе позволить.

Праздник не отменили, подумала я с благодарностью. *Просто сдвинули. Как мебель, когда в комнату вносят рояль.*

— Приехали! — заорала Мария с крыльца и понеслась к машине, как будто её выстрелили из рогатки.

Дверцу она дёрнула раньше, чем Юля успела заглушить мотор. Схватила меня под мышки, потянула, я вцепилась в край сиденья, нога в толстом белом коконе повязки поехала вперёд, пятка стукнулась о порог, и я сказала что-то такое, чего в приличном романе обычно не пишут.

— Ой! Ой, прости, прости! Алиночка, ты не наступай, слышишь, вообще не наступай! Юль, да помоги же! Она же сейчас на ногу встанет! Люди, она на ногу встанет!

— Маш, — сказала я сквозь зубы. — Я не встану на ногу. Я на неё даже смотреть не хочу.

— Как же ты теперь? У тебя же там швы! Там же швы, представляешь, живые швы! — Мария обернулась к двору и объявила ему, громко, с трагическим придыханием: — Ей наложили швы!

Двор затих.

Прекрасно. Ещё немного, и меня внесут к столу на носилках, с бенгальским огнём в повязке, как именинный торт.

— Шесть швов, — сказала я вслух, ровно и бодро, выставляя здоровую ногу на траву. — И укол от столбняка в самое дорогое. Юль, с днём рождения ещё раз. Я, кажется, подарила тебе самый незабываемый день за последние лет десять.

— Дура ты, — сказала Юля, выходя с другой стороны и подныривая мне под локоть. — Обопрись нормально. Не на Машку, Машка тебя уронит. Машка, возьми пакеты.

Мария взяла пакеты и тут же заглянула в тот, что сверху, где лежала свёрнутая клетчатая рубашка, бурая от засохшего, с разорванным подолом. Лицо у неё сделалось такое, что я быстро сказала:

— Это не моё. Отдать надо.

До крыльца было метров двадцать. Мы шли их, наверное, минуты три, и всю дорогу я ощущала каждую кочку, каждый куриный помёт, каждую свою мысль. Нога под бинтом жила отдельной жизнью: тупо, горячо, в такт сердцу. От меня пахло больницей, йодом и чужой кровью, то есть своей, и мне ужасно хотелось сказать что-нибудь смешное, чтобы все перестали смотреть.

— Шашлык ещё есть? — спросила я.

— Ещё бы его не было, — отозвался Олег от мангала. — Я третью партию ставлю. Тебя ждём.

— Вот это я понимаю, настоящая дружба.

Юля усадила меня не на лавку к столу, а в плетёное кресло, которое обычно стояло на веранде и которое она при гостях называла «моё место, не занимать». Притащила табуретку, положила сверху подушку в наволочке с ромашками, потом вторую, устроила мою ногу гори-

зонтально, поправила, отступила, посмотрела и поправила ещё раз. Сунула мне в руки кружку с чаем, горячим, слишком сладким, со смородиновым листом.

— Юль, я не умираю.

— Пей, — сказала она.

И вот тут у неё на секунду сошла вся эта хозяйская суета, вся эта беготня с тарелками и подушками, и осталось лицо. Юля смотрела на мою ногу, и глаза у неё были совершенно взрослые, тихие и какие-то старые, не Юлькины.

— Я ведь бежала и думала: доедем или нет, — сказала она негромко, только мне. — Там же до трассы двадцать минут.

— Доехали, — сказала я.

— Повезло, что он там был.

— Повезло, — согласилась я и зачем-то обхватила кружку обеими руками, хотя было жарко.

Юля ещё постояла, потом моргнула, и всё вернулось: она крикнула Олегу про хлеб, а Таньке, соседке, про то, что огурцы на том конце стола и надо передать.

Гости за столом притихли ровно настолько, насколько притихают люди, когда очень хотят посмотреть, но воспитание не велит. Посматривали на бинт. Соседский мальчишка лет девяти смотрел откровенно, не отрываясь, с восторгом.

— А правда капкан? — спросил кто-то. — Железный? Медвежий?

— Правда. Железный. На две пружины.

— А больно было?

— Умеренно, — сказала я. — Примерно как читать отзывы на свою книгу.

Засмеялись, и я была благодарна смеху, потому что рассказывать про лес заново мне не хотелось совершенно. Я уже знала, что перескажу это раз двести, что это станет моей коронной историей на всех кухнях, с подробностями и выдумками. Но не сейчас. Сейчас в голове всё ещё было слишком свежо и шло не по порядку: мох, собственный крик, запах нагретой хвои, чьи-то руки, разводящие железо, и голос, который спокойно говорил мне о сыроежках, пока я думала, что меня сейчас вырвет от боли.

Мария придвинула табурет вплотную, села и взяла меня за руку. Не погладила, не похлопала, а именно взяла, двумя своими, и держала, и пальцы у неё были холодные, хотя вечер стоял тёплый.

— Маш, я никуда не денусь.

— Угу, — сказала она и не отпустила. — Я тебя больше в лес не пущу. Никогда. Хоть за белыми, хоть за чем.

— За белыми можно.

— Нельзя.

Я прислонилась затылком к спинке кресла. Над двором ходили ласточки, низко, значит, к дождю, а может, и не значит, я в приметах разбираюсь примерно как в сантехнике. Пакет с рубашкой Мария поставила возле моего кресла, и я видела из-под клеёнки край рукава в синезелёную клетку.

Её надо постирать. И вернуть.

Я очень старалась, чтобы эта мысль прозвучала у меня в голове как обычная бытовая задача, вроде «купить обратный билет». Получилось плохо.

* * *

Шашлык дошёл, и разговор за столом пошёл ровнее, как всегда бывает, когда у людей заняты руки и рты. Про капкан ещё поговорили, конечно, но уже без меня в центре: перешли на то, что в прошлом году у Петровых собака попала в петлю, и что лес стал не лес, а чёрт знает что.

— Так это ж хорошо, что тот, с реки, рядом оказался, — сказала Танька, передавая через стол миску с огурцами. — Он там один ходит, вечно один. Я его летом вижу: идёт с корзиной по дороге, кивнёт и всё.

Я заметила, как Юля перестала улыбаться. Не нахмурилась, не отвернулась, просто с лица ушло то мелкое хозяйское оживление, с которым она весь вечер следила, у кого пустая тарелка. Она поставила бутылку с морсом на стол аккуратнее, чем надо было её ставить.

— Егор его зовут, — сказала Юля. — Не «тот, с реки».

— Ну так я и говорю, Егор.

Я отпила чай, который уже остыл и стал от этого ещё слаще, и услышала собственный голос раньше, чем решила что-нибудь спрашивать:

— А что он вообще за человек?

Прекрасно. Небрежно, как сводку погоды. Ровно на полсекунды быстрее, чем небрежно бывает.

Мария рядом чуть повернула голову. Мария вообще всё замечает, это её экономическая натура: она умеет посмотреть на человека так, будто сверяет его с таблицей. Я сделала вид, что меня крайне занимает узор на клеёнке.

Юля села наконец. За весь вечер это, кажется, был первый раз, когда именинница опустилась на стул не для того, чтобы тут же вскочить. Она положила руки на стол ладонями вниз и посмотрела в сторону реки, хотя из-за забора реки не было видно, только верхушки ив.

— Нормальный он человек, — сказала она. — Просто у него два года назад жена умерла. За столом кто-то поставил вилку, и этот звук оказался громче, чем следовало.

— Ирина. Красивая была. Они сюда приезжали на выходные, дом купили, собирались всё перестраивать. — Юля говорила ровным голосом — Она рожала. Осложнения, что-то там с кровотечением, я не врач, не знаю. Не спасли. И ребёнка тоже не спасли. Мальчик был.

Не знаю, чего я ждала. Развода, может. Какой-нибудь понятной городской истории с разделом имущества и обидой на весь мир, из тех, что я сама штамую в книжках по две штуки в год. Мне стало стыдно так быстро и так горячо, что я опустила глаза в кружку.

— Он после этого сюда и перебрался, — сказала Юля. — Насовсем. Зимой тоже тут. Дом на отшибе, у самой реки, за Матвеевыми. Ни с кем особо не разговаривает. Поздоровается, спросит, не надо ли чего, и всё. Олег ему как-то предлагал на рыбалку, он сказал: спасибо, не сейчас. Два года «не сейчас».

Над двором стало слышно, как в траве работают кузнечики. Даже Мария перестала тискать мою руку, просто держала её теперь как-то иначе, не вцепившись, а положив свою ладонь сверху, и смотрела в стол.

— У него бизнес в городе был, — подал голос Олег от мангала, не оборачиваясь. — Компьютерный какой-то. Серьёзный, говорят. Он его на товарища оставил, тот к нему приезжает иногда, на машине такой, что у нас вся улица выходила смотреть. А Егор огород копает и в лес ходит.

— Копает он, — хмыкнула Танька. — У него там грядки ровнее, чем у меня жизнь.

Засмеялись, негромко, с облегчением, и разговор пополз дальше, к чужим грядкам, к тому, что в этом году помидоры не задались. А я сидела с остывшей кружкой и чувствовала, как внутри что-то тихо и неприлично загорается.

Это профессиональное, сказала я себе. *Это материал. Мужчина тридцати шести лет, бывший айтишник, добровольное затворничество, травма утраты, молчание как способ существования. Любой нормальный автор на моём месте уже лез бы за блокнотом. Фактура. Характер. Конфликт в наличии.*

Я честно попыталась примерить это на себя как рабочий костюм. Не село. Потому что настоящее профессиональное любопытство выглядит иначе: оно холодное, оно задаёт вопросы про детали, оно думает, как бы это подать, с какой главы начать и куда поставить флешбэк.

А у меня в голове было совсем другое: что он вёз меня сорок минут по колдобинам и всю дорогу говорил со мной короткими, почти скупыми фразами, не о моей ноге, не о крови, а о сыроежках, о том, какие берут и какие нет, о том, что дорогу обещали грейдировать третий год. И что он ни разу не сказал «потерпите», хотя все говорят «потерпите».

И ещё я вспомнила, как он вытащил мою ногу из железа и у него на запястье остался длинный красный след от пружины, и он даже не посмотрел на него.

Мне шесть раз в жизни встречались интересные мужчины, и ни один из них не вызывал потребности узнать, пьёт ли он чай с сахаром.

А мне хотелось. Вот прямо сейчас, за этим столом, с подушкой под перебинтованной ногой, мне хотелось знать про него ещё хоть что-нибудь, помимо того, что я уже знала: как зовут, где живёт, что у него умерла жена. Хотелось знать какую-нибудь ерунду. Что он читает. Слушает ли он что-то, когда едет один. Зачем человеку, у которого всё есть, вторая корзина в багажнике.

— Аль, ты чего притихла? — спросила Мария.

— Думаю, как это описать, — сказала я и даже сама почти поверила. — Капкан, лес, спаситель. Готовая завязка.

— Ты неисправима.

— Я профессионал, — сказала я, и Мария фыркнула, а Юля посмотрела на меня через стол внимательно, одну секунду, молча, и ничего не сказала.

Я перевела взгляд на пакет, стоящий у ножки кресла. Из-под клеёнки по-прежнему торчал край рукава в сине-зелёную клетку, и мне вдруг стало важно, чтобы Мария его не заметила.

* * *

Праздник кончался так, как кончаются все хорошие деревенские праздники: не разом, а по частям. Сначала ушли Матвеевы, потому что у них корова и утро. Потом Танька собрала со стола салатницы и унесла их в дом, обещая, что завтра всё доест сама, никому не оставит. Олег с кем-то из соседей долго стоял у калитки, шлёпая себя по шее от комаров, и всё договаривал что-то про дрова. Гирлянда из шариков над столом обвисла, один шар лопнул ещё днём, и его так и не сняли, он болтался на нитке, как тряпочка.

Машка села рядом со мной на ступеньку, подогнув под себя ноги, обняла бокал лимонада двумя руками и минут десять честно пыталась поддерживать разговор о том, какой у Юльки получился торг. Потом она замолчала, потом её голова начала медленно клониться к моему плечу, и, когда я забрала у неё бокал, она даже не проснулась, только пробормотала что-то вроде «я только глаза прикрою ненадолго», и Юля увела её в дом, придерживая за локоть, как увозят ценный груз.

— Тебе постелили в маленькой, — сказала Юля мне от двери. — Не сиди долго.

— Пять минут.

— Ага, — сказала она тем тоном, которым говорят с людьми, которым не верят, и ушла. И стало тихо.

Я осталась на крыльце одна, с ногой, задранной на табурет, застеленный Юлькиным полотенцем в вишенках. Нога ныла ровно, тупо, как зубная боль, только двумя этажами ниже. Из дома доносилась вода в раковине, потом перестала. На веранде горела лампочка, вокруг неё кружилось всё население июля, и мотыльки стукались о стекло с деревянным сухим звуком.

За огородом, за чёрной стеной малины, земля шла вниз, к реке. Реки не было видно, но она была слышна: не плеском, а тем особым прохладным сквозняком, который тянет от воды летними ночами, с запахом тины, сырой травы и чего-то железного. Где-то там, если идти по верхней улице и свернуть за поворот, стоял его дом. Край деревни. Отшиб. Я даже не знала, какой он, этот дом, а уже зачем-то смотрела в ту сторону, как будто могла разглядеть окно.

Окна у него, скорее всего, тёмные. Люди, которые встают в лес до росы, в полночь на крыльце с лимонадом не сидят.

Я прокручивала то, что рассказала Юля. Два года. Жена Ирина, осложнения, ребёнка тоже не спасли. Эти слова, сказанные вслух за праздничным столом, прозвучали коротко, почти буднично, потому что по-другому такое и не произносят, иначе не выговоришь. И вот теперь они лежали во мне и разворачивались, как намокшая бумага, медленно и некрасиво.

Я столько лет зарабатываю на чужих бедах, аккуратно нарезанных на главы. У меня в книгах умирали родители, уходили мужья, горели дома. Я умею сделать из этого сюжет: поставить в начале, подвесить середину, вытащить в финале так, чтобы читательница вытерла глаза и сказала «ох». И сейчас, сидя в темноте, я очень отчётливо поняла, что к этой истории мне не хочется прикасаться профессиональными руками. Она не разбиралась на детали. Она просто была, как бывает валун посреди поля: его не объезжают красиво, его объезжают.

Отличный материал, Алина Артеева. Яркий характер, богатая фактура. Жаль только, что ты уже который час придумываешь не роман, а предлог увидеть его ещё раз.

Вот тут мне стало по-настоящему неприятно за себя.

Потому что именно этим я и занималась. Я придумывала. Рубашку надо вернуть, причём обязательно лично, потому что отдавать через Юлю как-то невежливо. Поблагодарить надо нормально, не в машине между сыроежками и поворотом на трассу. Спросить, не болит ли у него запястье, там же остался след от пружины, он даже не взглянул на него, а зря, железо ржавое, мало ли. Прекрасный набор поводов, все до единого уважительные, и каждый с таким честным лицом, что хоть на икону.

Я закрыла глаза, и вместо леса сразу встала машина. Как я лежала боком на заднем сиденье старого внедорожника, и меня мотало на каждой колдобине, и он сказал: «Сейчас будет плохой кусок, держитесь за ручку». Как он нёс меня до машины и в какой-то момент перехватил поудобнее, и я почувствовала, что он держит мою ногу чуть на отлёте, навесу, чтобы не задеть, и от этого у него должны были неметь руки, а он шёл и рассказывал, что дорогу обещали грейдировать третий год. У него был низкий голос, негромкий, и он разговаривал со мной ровно так, как разговаривают с человеком, а не с пострадавшей. От него пахло костром, смолой и чистой тканью.

И я поняла, окончательно и без скидок, что хочу увидеть его снова. Не для книги. Не ради благодарности, не ради рубашки, не ради того, чтобы спросить про запястье.

Просто хочу.

Я разозлилась так, что дёрнулась, и нога немедленно отозвалась горячим толчком под бинтом, и поделом.

Великолепно. Тебе двадцать восемь лет, у тебя три договора, два невыполненных дедлайна и дыра в ноге, а ты сидишь на чужом крыльце и млеешь от того, что мужчина не сказал тебе «потерпите». Это не влюблённость, подруга, это кровопотеря.

Я задрала голову.

Небо над Старой Рузой было такое, какого в Москве не выдают даже за деньги: чёрное, плотное, всё в мелкой звёздной крупе, и Млечный Путь лежал поперёк него размытой полосой, будто кто-то провёл мокрым пальцем по сахарной пудре. Над баней висел тонкий месяц. Я смотрела вверх долго, упрямо, словно там, среди всей этой астрономии, можно было найти разрешение не думать о соседе с реки.

Звёзды мне ничего не подсказали.

В доме погас свет на кухне. Мотылёк с размаху стукнулся о лампочку над верандой и упал в стакан с недопитым лимонадом. От реки потянуло холодом, и я плотнее запахнула Юлькину кофту, в которую меня завернули ещё вечером.

Я так и не ушла спать. Сидела в темноте одна, с перебинтованной ногой на табурете, и слушала, как где-то за поворотом течёт невидимая река.

Глава 4. Грибы, мёд и бинты

Земляника в тот год пошла дурная, мелкая, но сладкая до оскомины, и росла по старой вырубке за оврагом сплошным ковром, так что собирать её можно было сидя на корточках, не сходя с места. Я сидел так минут сорок, пока не заломило поясницу, и когда поднялся, обнаружил, что в берестяной коробок ягода уже не лезет, а в другой руке у меня второй, и он тоже полный.

Я посмотрел на это хозяйство довольно долго.

Мне одному столько не съесть и за неделю. Варенье я не варю, в морозилке у меня лежит рыба и два пакета вчерашнего хлеба, и больше ничего там не лежит, потому что больше некому. Выходило, что я два часа лазил по жару за ягодой, которая мне не нужна, и собрал её ровно вдвое против привычного, и сам прекрасно знал, в чей дом ноги меня потащат, едва я вылезу из леса.

Грибы. Грибы — другое дело, грибы я беру всегда, июль, после дождей полезли подберёзовики и первые белые, чистые, крепкие, без единой червотчины. Грибы — это просто лес. Грибы ничего не означают.

Я поймал себя на том, что оправдываюсь перед сосновым стволом, и мне стало смешно и нехорошо одновременно.

До деревни было километра полтора. Я шёл по краю скошенного луга, где в траве стрекотало так, что звенело в ушах, и солнце било в затылок, и две корзинки оттягивали руки ровно настолько, чтобы не думать ни о чём лишнем. Я и не думал. Я составлял в голове короткую, деловую фразу, в которую укладывалось всё: пошёл за грибами, набрал лишнего, девать некуда, возьмите. Отдать и уйти. Нормальная соседская история, в деревне так делают все, Антонина с того конца каждое лето носит мне кабачки, от которых я прячусь как от участкового.

Калитка у Юлии была крашеная, зелёная, с хитрой щеколдой изнутри, и я стоял перед ней, как человек, который пришёл просить денег в долг.

За два года я ни разу не входил в чужой двор по своей воле. Привозил Олегу доски, выгружал у ворот, разворачивался и уезжал. Брал молоко у бабы Нины через забор. В магазин ходил в будни, в середине дня, когда там пусто. Я выстроил себе очень аккуратную жизнь, в которой никто не задаёт вопросов, и сейчас собственной рукой отодвигал в ней щеколду.

Во дворе пахло укропом и разогретым деревом. Вдоль дорожки стояли флоксы, белые и малиновые, высокие, как кусты, и над ними гудело. Юлия оказалась у летней кухни, в фартуке поверх сарафана, с мокрыми по локоть руками, и подняла голову на скрип калитки.

Лицо у неё сделалось такое, будто она увидела, как по двору идёт лось.

— Егор, — сказала она. — Здравствуй.

— Здравствуй.

Пауза была ровно такой длины, чтобы я успел пожалеть обо всём.

— Грибов набрал, — сказал я и поставил корзинки на лавку. — Много. Мне девать некуда. И земляники вот.

Это у неё заняло секунды две. Я видел, как удивление с лица уходит и на его место заступает хозяйка: Юлия вытерла руки о фартук, подошла, заглянула в корзинку и ахнула так искренне, что мне даже полегчало.

— Батюшки. Белые-то какие. Чистые, ни одного дрянного... Ты их где такие берёшь, у тебя что, место тайное?

— Тайное.

— И не скажешь.

— Не скажу.

Она засмеялась, подхватила коробок с земляникой, понюхала и зажмурилась.

— Ой, духовитая. Я из неё к вечеру толчёнку сделаю, с сахаром, в холодильник. Ты ягоду так ешь или с молоком?

— Так.

— Мужчины, — сказала она с непонятым удовлетворением, будто я подтвердил какую-то её теорию, и потащила корзинки в тень под навес. — Ты садись. Сейчас чаю налью, у меня с утра стоит, холодный, со смородиновым листом. Садись, садись, не стой как столб.

Я не сел. Я стоял у лавки и соображал, как теперь уйти, потому что фраза про грибы кончилась, а другой у меня заготовлено не было, и тут она, переключаясь на подберёзовики в таз, сказала как бы между прочим:

— Вот же некстати всё. Я с утра в район звонила, медсестра наша, Валентина Петровна, у неё сын в Можайске в больнице, уехала, раньше четверга не будет. А Алине повязку менять сегодня надо, в выписке чёрным по белому: раз в сутки, с обработкой. Вчера вечером Маша меняла, так я думала, у меня у самой сердце встанет. Маша-то бледнеет от вида пластыря.

Она сказала это, не поднимая глаз от таза. Очень по-женски сказала, и я отлично понимал, что никакая это не случайная реплика, и всё равно у меня внутри что-то дёрнулось вперёд раньше головы.

Швы я видел. Я их видел в приёмном, когда её увозили, и знал, что там шесть штук по внутренней стороне, и знал, как выглядит рана, которую рвали ржавые дуги, и знал, что будет, если такую запустить в июльскую жару.

— Я могу, — сказал я.

Юлия подняла голову.

— Было дело, приходилось, — добавил я ровно, как про грейдер на дороге. — Бинт, хлоргексидин, стерильные салфетки. Если есть чем, сделаю.

Руки у меня в этот момент лежали на краю лавки, и я их оттуда убрал.

Я ждал, что она начнёт отнекиваться из вежливости, или наоборот обрадуется слишком шумно, но Юлия сделала третье: посмотрела на меня чуть прищурившись, снизу вверх, секунды три, не дольше. Так смотрят, когда складывают в уме два и два и решают, стоит ли говорить вслух результат.

— Сделай, — сказала она просто. — У меня всё куплено, я в аптеке в Тучкове полпакета набрала. Руки вымой, вон там рукомойник, мыло на гвозде.

Вода была тёплая, настоявшаяся на солнце. Я мыл руки дольше, чем нужно, и смотрел, как с пальцев сходит земляничная краснота, и объяснял себе, что это просто перевязка, что я бы точно так же сделал для Олега, для бабы Нины, для кого угодно. Объяснение было хорошее. Оно продержалось примерно до того момента, когда Юлия сказала: «Пойдём», и я пошёл за ней к дому.

На веранде было прохладно и зелено от винограда, затянувшего решётку. Алина сидела в плетёном кресле, вытянув правую ногу на табурет, подложив под пятку свёрнутое полотенце. Волосы собраны кое-как, на коленях ноутбук, который она явно не открывала, потому что экран погас. Бледная. Не той бледностью, какая бывает от испуга, а той, какая бывает, когда человек третьи сутки плохо спит от боли и никому про это не говорит.

Она подняла глаза, и я увидел, как у неё дрогнули брови. Быстро. Она тут же сняла это с лица.

— Алин, — сказала Юлия, — вот тебе хирург.

— Мне его кто-нибудь подарил? — отозвалась Алина. Голос был сиплый, но держался бодро. — Нет, не отвечайте, я уже поняла. Юль, ты имей в виду: я сегодня встала, дошла до крыльца и обратно и чувствовала себя примерно как Магеллан. Только Магеллана не поддерживали под локоть и не называли умницей.

— Магеллана съели, — сказал я.

Она моргнула.

— Это был Кук.

— Значит, повезло Магеллану.

У неё в уголке рта что-то дрогнуло, и она тут же опустила взгляд на свою забинтованную ногу, и я отвернулся, чтобы поставить на табурет пакет с бинтами, и успел подумать очень отчётливо, что мне не следовало сюда приходить.

* * *

Юлия вернулась быстро, с эмалированным подносом, на котором стояли пузырёк йода, бутылка хлоргексидина, ножницы и два мотка бинта в целлофане. Поставила всё на табурет, расправила полотенце под пяткой Алины, поправила подушку у неё под спиной, а потом выпрямилась и посмотрела на меня.

Взгляд был короткий и очень разговорчивый. Я сделал вид, что его не заметил.

— У меня там банки стоят, — сказала Юлия куда-то в сторону виноградной решётки. — Огурцы. Если я их сейчас не закатаю, они к вечеру будут мягкие, а мягкие огурцы Олег есть не станет, он у меня принципиальный. Алин, ты не кричи сильно, у меня крышки.

— Я не кричу, — сказала Алина. — Я художественно комментирую.

— Вот и комментируй.

И ушла. Не торопясь, вытирая руки о передник, с видом человека, которому срочно понадобились огурцы, и я готов был поспорить, что огурцов в природе не существовало.

Я придвинул к креслу низкую скамейку и опустился на одно колено перед её ногой. Так было удобнее работать, и так я мог не смотреть ей в лицо. Второе казалось важнее.

— Больно будет, когда отходить начнёт, — предупредил я. — Бинт присох по краю.

— Вы всегда предупреждаете или только по праздникам?

— Всегда.

Повязка снималась тяжело. Я разрезал её ножницами вдоль, по внешней стороне, подальше от швов, и стал разматывать, придерживая её голень ладонью под икрой, потому что иначе она дёргала ногой, а дёргать ей было нельзя. Марля отходила слоями, последний пришлось отмачивать хлоргексидином, и запах разошёлся по веранде, резкий, больничный, совершенно чужой здесь, среди винограда и сушёной мяты, которую Юлия развесила пучками над лавкой.

А потом я увидел швы.

Шесть штук, чёрные, аккуратные, по внутренней стороне голени, от лодыжки вверх. Кожа вокруг была розовая, припухшая, но без красноты, какой я боялся. Всё было нормально. Всё было ровно так, как должно быть на третьи сутки.

Я всё равно застыл на секунду дольше, чем следовало.

Потому что я помнил, как эти дуги стояли в траве, присыпанные листом, и как они сомкнулись, и с какой силой я разводил их руками, упираясь коленом в землю, и как она тогда не кричала, а дышала через зубы, глядя мне в лицо так, будто я был последним твёрдым предметом в мире. У меня под рёбрами прошёл холодок, короткий и мерзкий, как сквозняк из погреба.

— Что? — сразу спросила она. — У меня там что-то не то? Вы замолчали профессионально, я такое узнаю.

— У вас там всё то, — сказал я. — Заживает.

— Вы это говорите тем же голосом, каким говорят «жить будете».

— Жить будете.

— Спасибо. Теперь я спокойна. — Она помолчала. — Относительно.

Я смочил салфетку и повёл по краю раны, там, где засохла сукровица. Она втянула воздух сквозь зубы и тут же вскинула подбородок, как будто хотела поймать этот звук обратно.

— Можно вслух, — сказал я.

— Нельзя. У Юли крышки. — Она выдохнула. — Знаете, у вас сейчас лицо как у хирурга из сериала. Такого, знаете, который в третьем сезоне разводится с женой и спасает ребёнка на операционном столе под дождём.

— Под дождём в операционной?

— Там течёт крыша. Это важная метафора.

— Понятно, — сказал я, не поднимая глаз. — Вы бы меньше смотрели сериалы и больше держали ногу горизонтально.

— Вот! Вот этот тон. Вас точно никто не учил разговаривать с пациентами?

— Меня учили перевязывать.

— А это, оказывается, разные курсы.

Край раны был чистый. Я отложил салфетку, взял сухую, промокнул кожу и положил ладонь ей под икру, чтобы приподнять ногу и завести бинт.

И тут у меня дрогнули пальцы.

Не сильно, не так, чтобы она заметила. Один короткий сбой, как бывает, когда руку сводит от холода, только наоборот: от тепла. Её нога была горячая, живая, с тонкой жилкой под щиколоткой, и это тепло шло мне в ладонь ровно и спокойно, как будто имело на это право. Я два года не держал в руках ничего живее топорика.

Соберись. Я сказал это себе беззвучно и жёстко, тем голосом, каким когда-то разговаривал с подрядчиками. Руки послушались. Руки у меня всегда слушались, с ними никогда не было проблем, проблемы были в другом месте.

— Держите так, — сказал я. — Пальцы на себя не тяните.

— Я и не тяну.

— Тянете.

— Я тяну художественно.

Я начал бинтовать от лодыжки вверх, в два слоя, не туго, следя за тем, чтобы не передавить. На веранде стало очень тихо. Где-то за домом шлёпнула калитка, прожужжал и ушёл шмель, и больше ничего не осталось, кроме сухого шороха бинта и двух дыханий, которые вдруг сделались слышными, как в пустой комнате.

Пахло йодом и мятой. И ещё чем-то, что не имело отношения ни к аптеке, ни к травам: тёплой кожей, нагретой за день, и какой-то лёгкой горчинкой от её волос. Я поймал себя на том, что отметил это, и разозлился на себя так, что чуть не затянул узел слишком сильно.

Она молчала. Это было хуже всего. Пока она говорила про сериалы и Магеллана, я мог отвечать и не думать. Теперь ей, видимо, тоже стало некуда деваться от этой тишины, и я чувствовал её взгляд где-то в районе своей макушки, и чувствовал, что она старается дышать ровнее, и от этого дыхание получалось громче.

— Готово, — сказал я и закрепил конец.

Поднял голову.

Зря.

Она смотрела на меня сверху вниз, чуть склонив голову набок, и глаза у неё были серо-зелёные, с тёмным ободком, и в них не было ни одной шутки. Так не смотрят на человека, который сделал тебе перевязку. За перевязку благодарят быстро и отводят взгляд. Она не отвела. И я, дурак, не отвёл тоже, и это длилось секунды три, может, четыре, и каждая из них была длиннее предыдущей.

Виноградный лист над её плечом дёрнулся от ветра, и по её щеке прошла зелёная тень.

— У вас руки холодные, — сказала она наконец.

— У вас нога горячая.

— Это воспаление?

— Это июль.

Она тихо засмеялась и всё-таки опустила ресницы, и я выдохнул, и только тогда понял, что до этого не дышал.

Я собрал в кучу обрезки старого бинта, закрутил крышку на хлоргексидине, вытер ножницы. Всё это заняло вдвое больше времени, чем нужно, потому что я делал это медленно и обстоятельно, как человек, которому очень важно не встать слишком быстро.

— Завтра тоже надо менять, — сказал я, глядя на поднос. — И послезавтра. Потом через день.

— Медсестра из района обещала.

— Она в Можайске. У неё сын в больнице.

— Значит, не обещала. — Алина помолчала. — А вы придёте?

Вопрос был лёгкий, брошенный небрежно, и именно по этой небрежности я понял, сколько ей стоило его задать.

Я поднял корзинку, в которой оставалось на доньшке земляники, и зачем-то переставил её на лавку.

— Посмотрю по хозяйству, — сказал я.

— Понятно.

— Если буду мимо идти, зайду.

— Конечно, — сказала она. — Тут все всё время ходят мимо.

Я мимо не ходил. Мой дом стоял на другом конце деревни, у реки, и мимо Юлиного двора меня не несла ни одна дорога на свете. И мы оба это знали. И оба промолчали.

* * *

Юлия поймала меня у калитки, с полотенцем через плечо и такой физиономией, какая бывает у человека, который уже всё для себя решил и теперь только проверяет, совпадёт ли с тобой.

— Спасибо, Егор.

— Не за что.

— Есть за что. — Она переложила полотенце с плеча на руку, разгладила. — Я бы сама не стала, у меня руки трясутся, когда швы вижу. Олег вон и тот отвернулся.

— Там ничего страшного. Чисто зашили.

— Угу, — сказала она и посмотрела.

Я знаю этот взгляд. Так в деревне смотрят на телёнка, который сам пошёл в стойло, и делают вид, что это он сам придумал. Юлия стояла, покачивала пустую миску от земляники и улыбалась в сторону своего смородинника, будто смородина сказала что-то смешное.

— Корзинки заберу завтра, — сказал я. — Когда освободятся.

— Конечно. Заберёшь.

— Заберу — сказал я и вышел со двора.

Калитка стукнула за спиной. Провести её не удалось, и я это понимал ещё до того, как открыл рот. У баб на это чутьё, как у собаки на грозу: ничего ещё не видно, а она уже под крыльцо лезет.

Дорога от Юлиного дома к реке идёт сначала мимо огородов, потом вдоль поля, потом ныряет в ельник и там уже сама себя ведёт. Июль стоял тяжёлый, духовитый, к вечеру запахло пылью и нагретым укропом с чых-то грядок, и в траве у обочины гудело так, будто в ней что-то работало на малых оборотах. Я шёл и повторял себе то, что повторял два года и что за эти два года ни разу меня не подводило.

Не привязываться. Не вникать. Не брать на себя ничьё самочувствие, ничью боль, ничью судьбу. Помог и отошёл. Это простое правило, и оно работает, как хорошая лопата: не ломается, если не лезть ею в камень.

Я честно проговорил его про себя от начала до конца. А потом поймал, что проговариваю его так, как школьник бубнит ответ, в который сам не верит, но очень надеется, что про-

канают. Голос в голове был мой, слова были мои, а убедительности в них было ровно столько же, сколько в обещании бросить курить, которое даёшь себе с сигаретой в зубах.

Потому что я уже знал, как она дышит, когда больно и когда старается, чтобы этого не было слышно. Это такая вещь, которую не выгрузишь обратно.

У ельника я свернул на тропу и прошёл шагов двести, а потом ноги сами сбавили ход.

Место я узнал бы и ночью. Слева, за молодыми ёлками, начинался пологий скат к оврагу, справа стояла та самая сосна с двумя затёсами, старыми, уже затёкшими смолой. Трава в прогалине была примята и поднялась ещё не вся, и в одном месте, если знать, куда смотреть, виделось тёмное пятнышко на земле, уже не красное, а просто темнее, чем вокруг. Капкан я тогда отволлок к себе в сарай и запер. Участковому покажу, когда будет о чём говорить, кроме железки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.